

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования**

«Смоленский государственный университет»

Кафедра литературы и методики ее преподавания

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки

Том 16

Смоленск
2015

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

*Печатается по решению редакционно-издательского
совета Смоленского государственного университета*

Русская филология: Ученые записки кафедры литературы
Р 89 и методики ее преподавания Смоленского государственного
университета. Т. 16 / Сост. и ред. И.В. Романова, Л.В. Павлова,
Л.Г. Каяниди. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2015. – 336 с.
ISBN 978–5–906598–35–6

В 16 томе «Русской филологии» представлены традиционные для ученых записок кафедры литературы и методики ее преподавания разделы, посвященные исследованиям в области русской литературы – поэзии и прозы XIX–XX веков, русско-зарубежным литературным связям, журналистике, теории текста, литературе Смоленской земли, жизни кафедры.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему индексов цитирования (РИНЦ).

Виньетка на титуле выполнена Е.К. Школяренко по мотивам гравюры Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина (СПб., 1804).

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)

ISBN 978–5–906598–35–6

© Авторы, 2015
© Смоленский государственный университет, 2015

8. Саакянц А. Марина Цветаева. М., 1986.
9. Толычева Т. Спасо-Бородинский монастырь и его настоятельница. М., 1975.
10. Цветаева М. Неизданные письма. // Paris: YMKA-Press, 1974.
11. Цветаева А. И. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1974.
12. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.

Примечания

1. У этого стихотворения довольно сложная судьба в печати, да и его затекст здесь будет освещен не полностью. Я несколько раз писал о нем с разных точек зрения. Наиболее полная его характеристика опубликована в книге: «1812 год в истории России и русской литературы. Издательство Смоленского гос. университета. Смоленск, 2010 .

2. Изложенные далее сведения о М. М. Тучковой почерпнуты из этого же источника.

А.Д. Кошелев

О ПРОФЕССОРЕ БАЕВСКОМ. ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА

Мне посчастливилось быть учеником и младшим другом Вадима Соломоновича Баевского (ВС). В последнюю нашу встречу я получил в подарок недавно вышедшую к тому моменту книжечку «Curriculum Vitae», включающую полную библиографию работ ВС, с дарственной надписью на титуле: *Дорогому Алексею Кошелеву – ученику, соавтору, издателю, другу. В. Баевский, 7 мая 2010 г.*

1. Знакомство

А познакомились мы почти полвека назад (кажется, это было летом 1962-го года) в смоленском парке, у шахматного павильона, приютившегося на самом берегу озера, вблизи мостика через него. В то время здесь летом собирались смоленские шахматисты-любители. Я был страстным шахматистом и часто проводил здесь вечера в ущерб учебе. ВС, будучи молодым преподавателем тогдашнего пединститута, также нередко сюда заходил. Наши шахматные силы были примерно равны (это уровень 1-го разряда) и мы весьма азартно сражались друг с другом – легкие пар-

*В.С. Баевский и А.Д. Кошелев
Смоленск, 1971 (?) г.*

тии и блиц. А потом выяснилось, что мы оба любим Вертинского. Правда, я мало его слышал, а у ВС было две кассеты его песен.

ВС первое время жил в комнате в общежитии на улице Дзержинского, но довольно скоро получил квартиру на улице Докучаева. Помню, как я в первый раз был приглашен туда поиграть в шахматы и послушать Вертинского. Звоню. Открывает дверь ВС. С приветливой улыбкой он говорит: «Прошу», – и жест рукой, приглашающий проходить. «Обувь не снимайте...». Я тщательно вытираю ноги, прохожу в первую же комнату и вижу на столе раскрытый футляр со скрипкой. «О, чья это скрипка», – восклицаю я и со свойственной мне тогда непосредственностью, граничащей с бестактностью,

извлекаю скрипку из футляра и начинаю что-то пикировать (я учился по классу скрипки в музыкальной школе). «Это скрипка Эды Моисеевны», – говорит ВС. «Эдик», – зовет он жену, – «иди, я познакомлю тебя с нашим гостем». Входит ЭМ. Я, наконец, понимаю неуместность своего поведения, вызванного, отчасти, смущением, возвращаю скрипку в футляр и сконфуженно улыбаюсь.

«Эдик, ты не находишь, что Алексей похож на Феликса?» Имелся в виду Феликс Кривин, известный уже тогда юморист и сатирик («В спорах рождаются истины и умирают сократы»), близкий друг ВС... «Да, пожалуй», – отвечает ЭМ и протягивает мне коробку с шоколадными конфетами. «Алексей, угощайтесь». Я беру конфету, кладу ее в рот и вдруг обнаруживаю в ней твердый шарик! Я шоке и не верю своим ощущениям. ЭМ сразу же понимает, в чем дело: «Алексей, я забыла вас предупредить: это вишня в шоколаде и там косточка». ...

«Эдик, мы поиграем с Алексеем в шахматы», – говорит ВС. ЭМ уходит вглубь квартиры, а мы остаемся в этой проходной комнате. Это – кабинет ВС.

Откуда ни возьмись появляется занавес, которым ВС закрывает свой кабинет от коридора со словами: «Жизнь – это сцена, а там, где сцена, должен быть занавес...».

2. В гостях у ВС

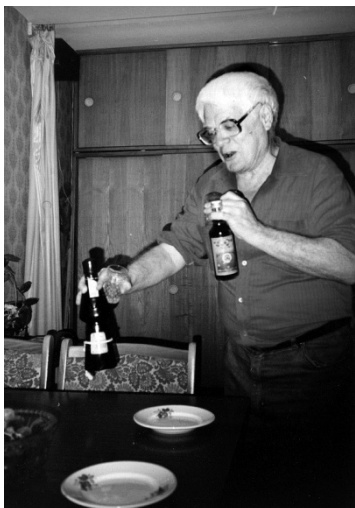
Вот такой мне запомнилась наша первая встреча на квартире у ВС. Потом таких встреч было много... Я поступил на физико-математический факультет смоленского пединститута, стал посещать поэтический кружок, который еженедельно вел ВС, у нас появились общие научные интересы – изучение стиха формальными методами, применение математики в стиховедении и т. д. Так я постепенно стал сначала просто одним из учеников ВС, а затем одним из ближайших его учеников...

Мы встречались с ВС довольно часто и каждая такая встреча была для меня событием. Как правило, я, предварительно договорившись, приходил вечером, часов в 7, к ВС домой.

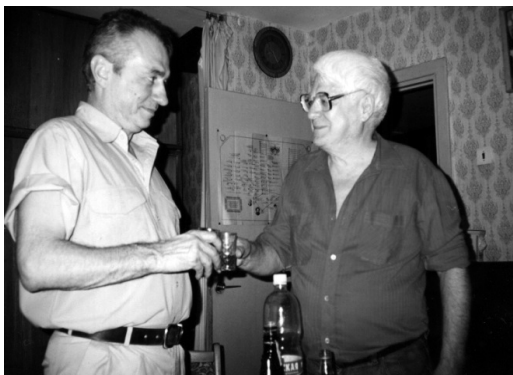
ВС не терпел опозданий, даже пятиминутных, а я был в юности довольно безалаберным и точность не входила в число моих достоинств. Только потом я понял, как важно быть точным в мелочах... Припомнился один эпизод на близкую тему. Мы собрались с ВС в кино – в Современник, где шел какой-то, сейчас не вспомню, интересный, но совершенно не популярный фильм... Я взялся купить билеты. Ажиотажа никакого не было и я подумал, куплю-ка я дешевые билеты в первом ряду, а сядем мы, где захотим. Не тут-то было. ВС отказался занять чужие места и мы сидели в первом ряду в пустом зале и смотрели широкоформатный фильм. Урок, запомнившийся мне на всю жизнь.

Возвращаясь к нашим встречам. Я звонил в дверь. Меня встречали и ВС и ЭМ, затем я проходил в кабинет ВС. Сначала это была проходная комната в квартире на Докучаева, затем отдельная, но тоже небольшая комната на ул. Октябрьской революции. Надо сказать, что рассказ о кабинете ВС – это отдельная тема. Долгие годы он вызывал во мне благоговейные чувства и невольно воспитывал меня, пожалуй, не в меньшей степени, чем сам его обитатель.

Огромный книжный стеллаж во всю стену, заполненный до потолка книгами разных форматов, на разных языках. Здесь и филология, и философия, физика, и математика. На столе лежит то том Ганди, то книжка Шредингера «Жизнь с точки зрения физика». А вот работы Якобсона с дарственной надписью. На стеллаже фотографии ученых, друзей. На стене портрет ВС, написанный известной смоленской художницей. Посередине кабинета, перпендикулярно стеллажу – рабочий стол. На нем телефон, 2–3 книги, пишущая машинка, потом компьютер. Рядом со стеллажом небольшая тахта, на которой спит ученый. В кабинете всегда идеальный порядок. Окно зашторено, внешний мир в кабинет не допускается. У стола удобное кресло, куда ВС всегда предлагал сесть мне. Я отказывался и садился на его тахту.

Все лучшее – гостям, июнь 1998 г.

В гостях у ВС, июнь 1998 г.

Мы обсуждали текущие научные вопросы: темы докладов, прочитанные статьи, научные планы... Через час-полтора к нам заглядывала ЭМ и говорила: «Димчик, у меня все готово». «Спасибо Эдик», – отвечал ВС, и когда наши темы заканчивались, мы переходили в гостиную, где у ЭМ уже был накрыт стол, причем какой! С продуктами в те времена было довольно скудно, но фантазия ЭМ была неистощима... Вообще, нужно сказать, ВС и ЭМ любили угощать, а попросту, изысканно и вкусно кормить, (да и поить!) своих гостей. Мы садились за стол и начиналась общая беседа: об институтских делах (я учился в аспирантуре у известного смоленского математика Марка Беневича Балка и много рассказывал о нем и его деятельности на факультете – занимался «балковедением», как окрестил эти рассказы ВС), о прочитанных книгах, о ситуации в стране: Пастернак, его роман «Доктор Живаго» и Нобелевская премия (в связи с десятилетием выхода романа), Твардовский и его «Новый мир», Василь Быков («Круглянский мост», «Атака сходу», «Мертвым не больно...»), Солженицын («Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «Крохотки...»), И. Грекова («На испытаниях», «Дамский мастер...»), Д. Самойлов («Сороковые роковые», «Перебирая наши даты...»), Сахаров, диссиденты...

В квартире ВС, 1 декабря 1996 г.

Иногда возникали и споры. Хорошо помню один из них. Он произошел зимой, в конце 1968 или в начале 1969 года. В 1968 г. вышла потрясшая меня книга – «Психология искусства» Л.С. Выготского с замечательным предисловием Вяч. Вс. Иванова. В ней Выготский давал единое, инвариантное определение произведения искусства. Определение было сугубо психологическое. В нем Выготский использовал слегка обновленное понятие катарсиса, посредством которого Аристотель объяснял эстетическое воздействие искусства. Суть этого определения сводилась к тому, что в произведении искусства идет борьба двух начал: содержания – того, что излагается, и формы – того, как это содержание излагается. Так вот, катарсис определялся Выготским как отрицание формой произведения его содержания – победа формы над содержанием. Эта победа и вызывает у человека катарсис, говоря метафорически, светлое чувство на печальном фоне (вспомним пушкинское «Печаль моя светла...»). По утверждению Выготского, это справедливо для всех жанров: от театральной трагедии до басни. Например, у Шекспира содержательно (по фабуле) Гамлет гибнет. Но форма подачи этой гибели и последовательности событий, ей предшествующей (сюжет), такова, что Гамлет остается победителем. Его смерть не вызывает гнетущего чувства... Так же и для басни – минимального жанра художе-

Взрывной смех ВС, июнь 1998 г.

Е. Яковлева и А. Кошелев, 1995 г.

ственного текста. Педагог Водовозов где-то писал, что после чтения басни Крылова «Стрекоза и муравей» симпатии детей неизменно оказываются на стороне легкомысленной стрекозы, а не трудолюбивого и запасливого муравья. Как показывает Выготский, решающую роль в этом эффекте играет избранная Крыловым форма изложения басни.

Помнится, я защищал позицию Выготского, а ВС, напротив, считал, что нет единого объяснения сущности искусства: в одном произведении «выстреливает» одно, в другом – другое. Детали спора сейчас не всплывают в моей памяти, но помню стойкое ощущение, что ВС (а он был опытный полемист) одержал верх, забросав меня примерами...

Иногда я приходил с женой (Екатериной Яковлевой), и тогда мы сразу приглашались к столу. Помню, как мы однажды пришли, сели за стол и я сказал: ВС, ЭМ, скоро мы с вами станем родственниками. От неожиданности хозяева притихли. Ну, как же, говорю: Катин брат Андрей женится на вашей дочери Алене. Мы все смеемся...

В середине 70-х мы с женой уехали в Москву, в начале 90-х я организовал издательство «Языки русской культуры» (в названии использована идея Лотмана о том, что искусство говорит с нами на разных языках: живопись на своем языке, поэзия – на своем и т. д.)

Издательство довольно быстро завоевало доверие в московских

научных кругах. У нас стали печататься многие выдающиеся филологи: С.С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов, М.Л. Гаспаров, Б.А. Успенский, Н.И. Толстой, И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова и др. Приезжая в Смоленск, я рассказывал на наших встречах с ВС об издательских делах и различных забавных историях, неизбежно им сопутствующих ... Вспоминается одна из таких историй, очень рассмешившая ВС.

В Москве есть одна пожилая дама – очень известная лингвистка, назовем ее НН. Как-то я позвонил ей и предложил издать том ее работ. Идея пришлась ей по душе, и вот том собран, полным ходом готовится к печати, и тут НН ложится в больницу. Том подготовлен, но его перед типографией должен тщательно посмотреть автор. Ждем НН. А ей не терпится получить изданную книгу. Она звонит мне: «Алеша, срочно отправляйте книгу в типографию». «Ни в коем случае», – говорю. «Пока Вы ее не просмотрите, не могу». – «Алеша, я умру и не увижу книгу...». Ну, я тут не устоял и сдал книгу. Почти одновременно выходит из больницы НН и из печати ее том. Она его открывает и к своему и нашему ужасу обнаруживает ошибки, которые она как автор должна была снять, но не сняла. Скандал. Она ругается, грозит нам всяческими санкциями... Приходит как-то вскоре в издательство Б.А. Успенский (он тогда много у нас издавался). Я рассказываю ему эту историю. Он иронически усмехается и говорит: «Не хорошо поступила НН. Обещала умереть и не выполнила своего обещания».

Замечу, что прошло более 10 лет, но, к счастью для отечественной филологии, НН до сих пор его не выполнила.

* * *

В нашем издательстве вышли три книги ВС, которые включили в себя его основные научные работы. Последняя книга «Пушкинско-пастернаковская научная парадигма» – большой том, подводящий итоги его научной работы, вышел сравнительно недавно – за два года до смерти ВС.

3. Поэтический кружок

Поэтический кружок был любимым детищем ВС. На каждом заседании кто-то из кружковцев делал небольшой доклад – на 20-30 минут, затем начиналось обсуждение. В нем должен был принять участие каждый слушатель. Завершал обсуждение и подводил общий итог ВС. Затем он предлагал новые темы для исследований. А по окончании заседания многие из нас провожали ВС домой. Надо сказать, точно так же

ученики провожали домой Лотмана. Гриша Амелин, один из его учеников, рассказывал, как они однажды провожали Лотмана. Подходят к его дому и видят: в его кабинете горит свет. Юрий Михайлович показывает на окно кабинета и говорит: «Вот мы здесь прохлаждаемся, а смотрите – Лотман там сидит, работает!»

Помнится, на одном из заседаний я выступал с докладом о Писареве и его резко критических статьях о творчестве Пушкина. Статьи Писарева были блестящими, и очень не просто было понять и объяснить их неправоту... Споры были большие. Помнится фраза ВС: «Писарев бил не по Пушкину, а по знамени, которым Пушкин стал в среде, противостоящей демократическому движению»...

Иногда с докладом выступал сам ВС. Хорошо помню одно из таких выступлений. ВС только что приехал из Москвы и рассказывал о некоторых идеях, обсуждавшихся московскими филологами (кажется, это было в 1972 году). Речь шла о знаменитой гипотезе американских лингвистов Сепира и Уорфа. Согласно этой гипотезе, язык определяет человеческое мышление и потому носители разных языков, скажем, француз, англичанин, немец и русский, мыслят по-разному. Причем есть две версии этой гипотезы: сильная – без языка не может быть мышления (близкие взгляды высказывал Фердинанд де Соссюр и его последователь Эмиль Бенвенист). И более слабая версия, согласно которой существует универсальная компонента человеческого мышления, которая не зависит от языка. А к ней добавляется этноспецифическая составляющая, отражающая народную таксономию – национальный взгляд на окружающий мир. Он и проявляется в языке данного народа.

Доклад был захватывающе интересным, а обсуждение – бурным. Вспоминается облик ВС: в черной водолазке (а тогда они только входили в моду) и сером пиджаке. По ходу доклада он делал пометки металлической шариковой ручкой – тоже тогда еще диковинкой. В общем, впечатление осталось на всю жизнь и было сродни впечатлению от фильма «9 дней одного года» о физиках–ядерщиках с Баталовым и Смоктуновским.

4. ВС – ученый, конференции с его участием

У ВС была такая замечательная черта: он стремился брать своих учеников с собой в научные командировки. Хорошо помню первую такую поездку с ВС в Москву на стиховедческую конференцию, организованную член–корром Тимофеевым. Это был, кажется, 1969 год. В то время в стиховедении, да и вообще в филологии, шла ожесточенная борьба между сторонниками и противниками применения математики.

Это была эпоха «бури и натиска», как потом ее окрестили. Ее лозунг был таков: всякая область знаний является наукой в той мере, в какой она использует математику. В лингвистике благодаря работам американца Ноама Хомского, россиянина Игоря Мельчука и других математика уже давно получила полное признание. Но в стиховедении ситуация была гораздо сложнее: Тимофеев и стиховеды старшего поколения принимали использование математики в штыки. Помню восклицание одного из них: «Как можно препарировать живую ткань стиха!» Поэтому после доклада ВС, использовавшего в своем анализе метод статистического анализа (так называемый «Хи-квадрат»), разгорелся жаркий спор.

Здесь я получил первый урок настоящей научной борьбы. Я был восхищен тем, как ВС и несколько его молодых единомышленников: М.Л. Гаспаров, В.А. Сапогов, кажется, М.М. Гиршман – защищали и разъясняли свои позиции. Конечно, переубедить оппонентов было невозможно. Смена научных убеждений – процесс долгий и происходит, как правило, вместе со сменой поколений... Но, судя по разговорам в кулуарах, доклад ВС многими был воспринят как новое слово в стиховедении.

Ко мне как к математику подходили стиховеды, включая и оппонентов ВС: Вишневский и др. Консультировались, приглашали к совместной работе...

Со всей очевидностью правильность научной позиции ВС проявилась позднее. ВС блестяще защитил в Тарту, на кафедре Ю.М. Лотмана, докторскую диссертацию, в которой творчество ряда современных поэтов (Бэлы Ахмадулиной, Евгения Винокурова, Андрея Вознесенского, Давида Самойлова и др.) исследовалось методами математической статистики. В ВАК поступило два отзыва. Один положительный, другой – резко отрицательный, от ученика Тимофеева, стиховеда Гончарова. И ВАК послал диссертацию на отзыв академику Колмогорову – знаменитому на весь мир математику, который в 60-е годы заинтересовался исследованием стиха матметодами. Колмогоров дал положительный отзыв, в котором, в частности, говорилось: «Применяемые диссертантом математические методы весьма просты. Но они дают впечатляющие результаты и материалы для дальнейших содержательных выводов». ВАК утвердил докторскую. Это был научный триумф ВС.

Хорошо помню вторую блоковскую конференцию, которая проходила в Тарту в 1975 г. ВС приехал на нее с докладом об анаграммах – звукообразах в стихе. Я, как соавтор, а стало быть и участник, тоже был приглашен и приехал с женой. На конференции собрались выдающиеся филологи, находившиеся тогда в расцвете сил: М.Л. Гаспаров рассказывал о своих исследованиях стиха, основанных на матметодах,

С.С. Аверинцев обсуждал роль трех животных: коня, кота и петуха – в русском фольклоре и русской литературе, Вяч. Вс. Иванов анализировал стихотворение Давида Самойлова «Пестель, поэт и Анна», естественно, выступали, Лотман, З.Г. Минц, его жена. Доклад ВС, как я уже говорил, был посвящен звукообразу в стихе. Анализировался, в частности, пастернаковский перевод Верлена:

И в сердце растрava и дождик с утра,
откуда бы право такая хандра...

Высказывалась гипотеза, что в звуковом строе этого стиха закодирован звукообраз-тема СТРАСТЬ–СТАРОСТЬ.

Доклад был воспринят с большим интересом. Вяч. Вс. Иванов, обсуждая на заключительном заседании стиховедческие доклады, сказал: «Блестящий доклад ВС», – это я запомнил в точности.

На том же заключительном заседании выступил и сатирик Паперный, который в юмористическом ключе обозревал некоторые доклады. В качестве текста для «исследования» он взял стих:

У попа была собака он ее любил
Она съела кусок мяса он ее убил

И далее прогнозировал, как бы этот стих проанализировал тот или иной автор. Вот что он, в частности, сказал о докладе Вяч. Вс. Иванова (который, повторюсь, анализировал лирический образ Анны в стихотворении Самойлова «Пестель, поэт и Анна»):

«Иванов, изучая звуковой ряд стиха

У попа была собака он ее любил
Ана съела кусок мяса он ее убил,

пришел к неутешительному выводу, что именно Анна съела кусок мяса, что и послужило причиной столь трагической развязки».

Зал взорвался хохотом и аплодисментами.

Возможно, сейчас этот пассаж не кажется смешным. Но, я надеюсь, он помогает понять ту атмосферу научного праздника, которая царила на конференции в Тарту.

ВС был на конференции одним из самых почитаемых участников. Нередко Ю.М. Лотман просил его провести очередную секцию докладов. Часто в перерывах его окружала стайка оживленных женщин, желавших задать вопрос или что-то обсудить. Один молодой филолог в

своим докладом вдруг назвал ВС своим идеалом человека и ученого...

Вспоминается также международная научная конференция в Смоленске в 1989 году, приуроченная к 60-летию ВС. На нее съехались многие друзья и коллеги ВС: стиховеды, филологи из Москвы и Петербурга, из США и Европы. На несколько дней Смоленск стал филологической столицей России...

5. Умение дружбы возлюбля

Отдельно хотелось бы сказать о таланте дружить, которым был щедро наделен ВС. С двумя своими друзьями детства ВС поддерживал тесные отношения до самой их смерти. Один был инженером, я его лично не знал. Слышал лишь от ВС одно его высказывание: «Вадим, ты термос», – так ВС охарактеризовал его инженерное мышление. Другой, Александр Маркович Шендерович (АМ), был известный физик, я с ним несколько раз встречался. Познакомился я с АМ благодаря дружескому участию ВС. Летом, кажется, 1970-го я собирался ехать на море в Гудауту. ВС, узнав об этом, тут же сказал: «Алексей, туда же собирается мой друг Алик с семьей. Хотите, я вас сведу и будете отдыхать вместе?» – «Конечно»... Так я провел две недели в компании замечательных людей.

Почти все вечера проходили в литературных спорах. В те времена тема «физики – лирики» была очень популярна. И в среде физиков считалось, что они гораздо лучше разбираются в литературе, чем лирики (филологи, люди гуманитарного образования). А последних в нашей компании было большинство. К ним принадлежала и жена АМ, естественно, не разделявшая это мнение физиков. Вспомнился такой эпизод. Мы с АМ как-то незаметно вовлеклись в острую дискуссию, остальные внимательно слушали. Когда стало очевидно, что мои аргументы весомее, жена АМ, думая, как и все остальные, что я ученик ВС, конечно же, филолог, с полным торжеством заявила: «Ну, вот мы и увидели в очередной раз, кто лучше разбирается в литературе: мы или физики». Тут я, несколько смутившись, говорю: «Но я математик...». Возникла буквально немая сцена. И здесь сразу же вступился (за лириков!) АМ: «Ну, Алексей, Вы все-таки в значительной мере филолог: посещаете поэтический кружок ВС...».

Вообще, это была характерная черта АМ – смягчать противоречия ценою собственных уступок и помогать слабой стороне. По рассказам ВС, АМ никогда не допускал начальство в соавторы своих статей (у физиков это было традицией) и всегда включал аспирантов, хоть как-то участвовавших в его работе. ВС необычайно высоко ценил эти качества АМ и считал его князем Мышкиным нашего времени.

Хорошо помню один из рассказов ВС об их совместном с АМ походе в горы (их семьи приехали на место другой дорогой). «Мы поднимались к горному перевалу. Алик нес большой рюкзак, мой рюкзак был гораздо меньше, но тоже тяжелым, и с каждым шагом он все сильнее и сильнее давил мне на плечи. Остановиться и сделать привал было нельзя. Нужно было достичь места встречи с остальными до темноты. В конце концов я не выдержал и упал плашмя на дорогу. Конечно, если бы я был в концлагере и должен был идти под страхом смерти, я бы упал гораздо раньше. Но, зная, что мой рюкзак сразу же возьмет Алик, я продержался еще добрых полчаса...»

В конце 70-х ВС мне сообщил, что АМ заболел раком... Где-то через полгода звоню ВС и слышу в трубке глухой, совершенно чужой голос. «ВС, что случилось, как Вы себя чувствуете?» – «Алексей, ну как я могу себя чувствовать, приехав с похорон лучшего друга?..»

С особой душевной теплотой ВС относился в своим друзьям–стиховедам. Они были для него не только научными единомышленниками, но и соратниками в противостоянии режиму. Многие из них приезжали к нему в Смоленск погостить: М.Л. Гаспаров, П.А. Руднев, В.А. Сапогов... Как–то я просматривал в кабинете ВС большую статью М.Л. Гаспарова со множеством статистических таблиц. «Неужели МЛ сам все это посчитал? Нет, это С.И. Гиндин ему все посчитал». «Но это же огромная работа!» – «Михаилу Леоновичу и я бы все, что ему нужно, посчитал», – ответил ВС.

На правах старшего друга ВС часто сам заводил разговоры о моих планах, не только научных, но и жизненных. Охотно делился своими большими знаниями женских характеров, стараясь уберечь меня от свойственных юношам опрометчивых поступков. Увы, это редко ему удавалось, как говорится, не в коня корм.

Умение прощать – одно из важных условий настоящей дружбы. ВС этим умением обладал. Свидетельство тому – следующий эпизод, до сих пор вызывающий во мне чувство стыда. Для ВС Пастернак был кумиром и как поэт, и как личность. В период травли писателя, начавшейся сразу же по присуждению ему Нобелевской премии, ВС, тогда студент–второкурсник, приехал к поэту на дачу в Переделкино, чтобы выразить свою поддержку и обсудить некоторые литературные темы. Вскоре Пастернак прислал ВС письмо с обсуждением этих тем... Это письмо ВС хранил как ценнейшую реликвию. Опасаясь за его сохранность, он сделал с него несколько фотокопий и одну из них отдал мне с наказом хранить в каком-либо потайном месте. Я был горд оказанной мне честью... Увы, сохранить эту копию я не сумел. До сих пор не понимаю, как это случилось: переезд ли на другую квартиру, или какая-то

иная причина. Но, когда через несколько лет ВС попросил меня принести копию, в том месте, где она, как я думал, находилась, ее не оказалось. Перерыл всю свою комнату – нету. Я не стал звонить, а сообщил ВС о пропаже при встрече. «Ну, Алексей, этого я от Вас никак не ожидал», – только и сказал мне ВС. К моему огромному облегчению, эта моя непростительная необязательность не расстроила наши отношения.

Не хотел бы создать у читателя впечатление, что доброта и терпимость ВС к друзьям были следствием его мягкотелости. Напротив, ВС имел железный характер и был носителем ветхозаветной морали. Получив удар по одной щеке, он никогда не подставлял вторую. Напротив, он был боец в полном смысле этого слова и не пропускал без ответа ни одного удара. Причем ответа весьма успешного. Начав карьеру ассистентом кафедры литературы Смоленского пединститута (позднее университета), не будучи членом партии, он добился выдающихся успехов на самых разных направлениях своего жизненного пути, постоянно преодолевая препоны, воздвигаемые партийными карьеристами, завистливыми коллегами и недоброжелателями всех мастей. Больше всего их было среди коллег по работе. «Алексей, иду в Зону», – часто говорил мне ВС, отправляясь в институт (метафора, мотивированная «Зоной» из романа «Пикник на обочине» братьев Стругацких). Не случайно у ВС было совсем немного близких ему людей в институте (университете). Прежде всего это сотрудники его кафедры (И.В. Романова, Л.В. Павлова и другие) и, пожалуй, И.И. Мунерман, психолог и замечательный мыслитель (он приглашал меня и моего друга-математика на чай и излагал нам свои идеи о назначении и социальной сущности человека).

ВС создал кафедру, которая издала 16 томов ученых записок «Русская филология» и на протяжении долгих лет лидировала в институте по научным показателям, возглавил ученый совет по защите докторских диссертаций, воспитал множество учеников, среди которых более десятка стали кандидатами и докторами наук. Наконец, он получил на двоих с ЭМ трехкомнатную квартиру в центре Смоленска. Бесхарактерный и уступчивый ученый вряд ли смог бы всего этого добиться в условиях того времени.

6. ВС

ВС был прирожденным просветителем. Он читал бесплатные лекции о русской литературе школьникам, «простым людям» в разных заводских и фабричных клубах в провинции. Особенно запомнились мне поэтические вечера, которые ВС организовывал в городской библиотеке. Каждый такой вечер был праздником для смоленских любителей поэзии.

Были вечера, посвященный Пушкину, Блоку, Тютчеву и другим русским поэтам. Расскажу о вечере, посвященном Федору Ивановичу Тютчеву. На небольшой сценке читального зала библиотеки сидят в строгой одежде с десяток юношей и девушек – студенты ВС. Девушки – в вечерних платьях, юноши – в темных пиджаках и белых рубашках. Слева – кафедра, а в зале слушатели. ВС начинает получасовую лекцию о жизни и творчестве Тютчева, соединяя его жизненные коллизии с подъемами и спадами в творчестве. А после доклада в продуманном заранее порядке встают один за другим студенты и читают тютчевские стихи.

Все это производит сильнейшее впечатление на слушателей. Готовится вечер небыстро. ВС отбирает стихи, тщательно отработывает со студентами их чтение. Надо сказать, что ВС прекрасно и совершенно по-своему читал стихи. Вообще распространены две манеры чтения стихов: актерская – «с выражением» и авторская – «монотонно», как, скажем, Бродский читал свои стихи. У ВС было, если так можно выразиться, смысловое чтение. Оно гораздо ближе к авторскому, но не монотонное, поскольку в каждой строке акцентно выделяется самое главное слово – смысловой центр строки. В итоге замысел поэта подается слушателю на блюдечке. И слушатель вдруг начинает понимать в хорошо знакомом стихе то, чего он ранее не замечал и не понимал. Естественно, такое чтение вызывало живейший отклик у публики. Смысловому стилю чтения стихов ВС учил и своих студентов.

Помню один комичный эпизод. В конце лекции мы с женой прыснули от смеха, я быстро спрятал лицо. Но от ВС это не укрылось. После лекции он с некоторым раздражением спросил: «Алексей, я видел, Вы смеялись. Что смешного я сказал?» А смешного, действительно, как будто быть не могло. Речь шла о трагических эпизодах личной жизни Тютчева. Сначала погибла его первая жена. Потом на пароходе в пожаре погибла вторая, а в конце жизни от чахотки умерла Денисьева, его последняя любовь.

Но смешной момент все-таки был. Рассказав о первой трагедии, ВС заключил: «Поэт был безутешен». Потом идут годы, приходит вторая любовь, женитьба, трагическая смерть второй жены и вновь фраза: «Поэт был безутешен». И когда она прозвучала в третий раз, после смерти Денисьевой, удержаться от смеха не было сил. ВС и сам не удержался и рассмеялся. «Да, – сказал он, – учту на будущее».

Подчеркну: этот эпизод ни в коей мере не смазал впечатление от прекрасного доклада. И может быть, даже наоборот, придал ему еще одну запоминающуюся черточку.

* * *

Мераб Мамардашвили как-то сказал: «Мысль держится только благодаря тому, что есть люди, которые не забывают ее держать». Перефразируя, можно сказать, что русская культура и русская филология держатся только потому, что есть люди, не забывающие их держать. Одним из этих людей был профессор Вадим Соломонович Баевский.

Д.В. Бутеев

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.В. ИЛЬИНА (К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА)

Научные интересы профессора, доктора филологических наук В.В. Ильина охватывают четыре области. Это отечественная литературная критика, древнерусская литература, краеведение и твардовсковедение. Подобная разносторонность позволяет ученому, не теряя глубины научно-исследовательского анализа, выходить на высокий уровень обобщений, выдвигать оригинальные гипотезы, приходиться к отличающимся принципиальной научной новизной и убедительностью выводами. Именно на стыке различных научных полей рождаются яркие литературоведческие феномены, открываются новые исследовательские перспективы и ракурсы (отечественная критика и смоленская литература в древнерусский период, критическая деятельность А.Т. Твардовского, истоки творчества А.Т. Твардовского и его смоленское окружение и др.)

Войдя в литературоведение с исследованиями, посвященными отечественной критической мысли, В.В. Ильин в монографии «Русская реальная критика переходного периода» (1975) и докторской диссертации «Проблемы типологии русской реальной критики» (1984) анализируемые явления «сумел возвести на уровень общих структур, обозначить в них контуры типологических “подобий”», а в книге «Художественное самосознание России. Литературная критика вчера, сегодня, завтра» (2010) он не только представил многовековой путь русской критики, но и показал ее значимость и для отечественной литературы и для государства в целом: «Литературная критика всегда несла свой тяжкий крест, блестяще выполняя главную миссию – быть в любое время, и в дни сомнений, и в дни торжеств художественным самосознанием России. Устремленная в будущее, она пылала негасимой верой в силы нашего народа, который не раз оказывался на краю бездны и всегда выживал, выходил с честью и достоинством из самых запутанных положений» [1, с. 194].